

Вст. кин. - 1999. - 28 июля.

19.

Гость «ВК»

либо любят, либо ненавидят. А у меня всегда с ними был контакт. Я был тогда очень худой, и мои женщины меня все время жалели и подкармливали. Да и механик из меня был очень и очень средний. Поэтому мои коллеги по цеху относились ко мне чисто по-человечески: я у них все время в самодеятельности участвовал. Пел частушки, куплеты всякие. Мои женщины были в восторге!

— Что же вас заставило изменить в корне эту сладкую жизнь?

— Я никогда не думал, что буду именно механиком по швейным машинам. Или еще кем-то, кроме артиста. Начал выступать лет с пяти, с детского сада. Делал все и с одинаковым успехом: пел, играл в оркестре народных инструментов, играл в драматическом и эстрадном театрах, танцевал. Кстати, танцевальный коллектив с моим участием долго не просуществовал. Они просто не могли танцевать — смеялись все время!

А вообще я долго пробивался в артисты. Поступал два раза в Одесское театральное училище. Не приняли. Ездил в Москву, поступал в Цирковое училище на эстрадное отделение. Не приняли. Поступал в ГИТИС. Не приняли.

— На чем же вы «резались»?

— Я «срезался» уже на приемной комиссии. До экзаменов дело просто не дошло. Одна комиссия говорила, что я уже готовый артист и мне ничем нельзя помочь. Другие были уверены, что меня надо слишком сильно переучивать. Во всяком случае ГИТИС я окончил заочно благодаря Райкину, у которого работал.

— А как вы все-таки встретились, как родился ваш замечательный творческий альянс?

— О, это был очень смешной момент! Я тогда активно участвовал в самодеятельности во Дворце моряков в Одессе, а Ильченко и Жванецкий актерски и авторски буйствовали в студенческом театре миниатюр «Парнас-2». Но когда я пришел в этот коллектив, Виктор сбежал из него и организовал свой, альтер-

ведь был самый лучший.

В 1967 г. вышел спектакль «Светофор» по произведениям Жванецкого. И Райкин взял его в свой театр завитом.

— А как вам работало с Аркадием Исааковичем?

— В любой команде должен быть лидер, на которого играет вся команда. Райкин есть Райкин. В нашем случае никто не претендовал на какое-то особое положение. Я не могу сказать, что он обижал нас. Мы играли очень много, играли и самостоятельные вещи, играли с Виктором миниатюры, я читал монологи... Да и просто смотреть на Райкина, учиться у него, быть рядом с ним — это большое счастье. Он ведь учил собой.

— Роман Андреевич, у зрителей сложилось твердое мнение о вашем дуэте. Вы — смешной, быстрый, подвижный, словом — «Рыжий». Виктор Ильченко — «Белый»: туповат, раздражителен. Как вы разделили роли?

— Все началось с миниатюры Жванецкого «Авас». Потом тоже было несколько миниатюр подобного типа. «Авас» мы с Витей наимпровизировали. У Жванецкого было написано просто несколько строчек. Работа происходила в Москве, в номере гостиницы «Пекин». На репетициях «Аваса» мы сами дико хохотали, и горничные даже хотели нас выселить... Всем постояльцам мешали!

Вот после этой сценки у публики и сложилось о нас такое стереотипное мнение. Потребовалось много времени, чтобы убедить наших зрителей, что это не так. На самом деле все решает литературный материал.

— После Ленинграда и Райкина — снова Одесса?

— Да, в 70-м году мы все вернулись снова в Одессу. Это было хорошее время — в Одессе была холера! Сбежал наш режиссер, испугавшись эпидемии. И мы втроем, без режиссера, сделали первый спектакль «Как пройти на Дерибасовскую?». Это был лучший спектакль в нашей жизни. Публика буквально уползала! Я не имею в виду какое-то особое мастерство или глубину этого спектакля. Нет, просто он был очень смешной, невероятно смешной! Там же были 20 наших,

по Хармсу, Чехову. Я сделал свой моноспектакль по произведениям Чехова, Зощенко, Шолом-Алейхема и Жванецкого «Искренне Ваш...».

— Интересно, что в этом спектакле на первый план выходит другая сторона вашего дарования — талант лирического актера...

— У нас со Жванецким в этом вопросе есть конфронтация. Он считает, что я не могу исполнять лирические произведения. При чем Михаил Михайлович заявил мне это почему-то недавно. Хотя такие вещи у меня были и раньше в его спектаклях.

Мне самому судить трудно, что у меня получается лучше, что хуже. Если это произведение настоящее, то оно и должно исполняться так, как оно написано автором, как почувствовал автор. Так должен почувствовать и актер. Вот и все.

У Жванецкого довольно много таких лирических вещей. И у нас они были почти в каждой программе, просто они растворялись. Или же не были так выпуклы, не были столь ярко выражены. В самом деле, иногда мы лирику делали довольно жестко, и она выглядела, как сатира, как фарс.

Что касается спектакля «Искренне Ваш...»

...Он был сделан давно, в 75-м году в Одессе. Причем произведения были подобраны так удачно, что часто даже интеллигенция не могла понять, где Чехов, а где Жванецкий. В Одессе я сыграл этот спектакль всего семь раз. Потом его сняли, меня вызывали ко второму секретарю обкома партии. В спектакле, собственно, ничего страшного не было. Ни политики, ничего. Оказалось, много там было «про евреев». Я пытался возражать, говорил, что это классики. И тогда мне была сказана знаменитая фраза, ставшая афоризмом: «И классики неровно писали!». Но самая главная причина нашего ухода из Московского театра миниатюр в том, что театр стал играть «Смерть Занда», «Хроника широко объявленной смерти» и другие «смертельные» вещи, что не имело никакого отношения к театру миниатюр. И мы почувствовали: никаких миниатюр здесь больше не будет. Постепенно этот театр переродился и стал драматическим. Наш жанр иссякал, мы его просто теряли постепенно. За девять лет пребывания в театре миниатюр мы потеряли значительную часть своей публики. Мы потеряли целое поколение молодых ребят, которые нас вообще не знают. Они же нас нигде не видели! Ни по телевидению, ни на эстраде. Нигде!

За это время, естественно, Жванецкий стал читать на всех углах, совершенно вырвался вперед. И только после того, как мы ушли из театра и стали выступать в больших концертных залах, нас вспомнили. Мы появились на телеэкранах с миниатюрами «Раки», «Склад»... Но время ушло, ушло. Пришел Задорнов, очень вырос Хазанов.

— В последние годы вы стали сниматься в кино...

— Если говорить серьезно, то в кино я человек случайный. И почему-то всегда играю евреев! Это и в «Волнах Черного моря», и в «Собачьем сердце», и в «Закате» по Бабелю, и даже в рязановских «Небесах обетованных». Я же совершенно не похож! Видимо, режиссеры идут «от противного». Есть и сейчас подобные предложения, но я надеюсь сыграть хотя бы грузина.

— И о настоящем дне, пожалуйста.

— Сейчас у нас свой театр под управлением Жванецкого. Это именно театр миниатюр. Кстати, сейчас все имеют театры. И у Хазанова свой театр, и у Винокура, и у Новиковой... Все играют спектакли. Но то, что они делают, все же ближе к эстраде, это эстрадные моноспектакли. А наш жанр, жанр классической миниатюры, постепенно вымирает, им почти никто не занимается.

Не стало Виктора... Я не могу сейчас говорить об этом. Мы проработали вместе столько лет, мы стали даже больше, чем родные, больше, чем друзья... Ну просто как муж и жена!

Считаю, что подкатывает пора уходить. Надо ведь уходить бодро, быстро, а не уползать со сцены. Чтобы все говорили: как жаль, что он уже не выступает. Так что еще немножко потрепыхаюсь и закончу свой поход. Хотя была у меня идея сделать спектакль «Исповедь юмориста», сделать программу по Жванецкому, Булгакову, Зощенко и Салтыкову-Щедрину. Все Миши, Михаилы. Хочется сделать то, что мало известно публике. Или же создать спектакль с Вайкуле, такое вот грустно-лирическое шоу. Ведь у Жванецкого есть масса сцен на тему «мужчина и женщина».

Беседовал
Михаил ЧЕРВОННЫЙ.
Фото А. ЭПШТЕЙНА.

Роман КАРЦЕВ:

"И КЛАССИКИ НЕРОВНО ПИСАЛИ"

Карцев, Ильченко... Блистательный этот союз просуществовал практически тридцать лет. Виктор Ильченко не дожил полгода до юбилея. В планах друзей был последний совместный спектакль, они собирались уходить с большой сцены. Уходит, но уходить бодро, быстро... Ведь их жанр требует свободы духа, свободы тела. Хотели уйти вместе, но Виктор ушел раньше...

Карцев и Ильченко — народные артисты в самом широком, истинном смысле этого слова. Спасибо технике, она сохранила голоса и лица: они были и еще долго будут с нами...

— Роман Андреевич, давайте с самого начала. Двое (Жванецкий и Ильченко) работали в Одесском порту, а третий...

— А третий — наладчиком швейных машин на фабрике «Молодая гвардия». И еще я делал обувь на «Восьмой обувной модельной фабрике» в Одессе. Представляете, я делал обувь! Не дай Бог, кому-то она попала, эта обувь, которую я делал! Вообще я на этих фабриках работал целиком в женских коллективах.

— И как вы себя там чувствовали?

— Просто прекрасно! Я чувствовал себя в этом окружении просто прекрасно! Женщины

нативный Жванецкому театр. Я несколько раз видел его в спектаклях, но близко мы знакомы не были.

В этом театре миниатюр без Ильченко я проработал два года, однажды мы показали свой спектакль Аркадию Исааковичу Райкину, и он пригласил меня поработать к себе. Это было в 1962 году. Через полгода мы приехали в отпуск в Одессу. Мы — это Райкин и я. Он отдыхал в санатории, я отдыхал у мамы. В театре в то время ставилась пьеса Хазина «Волшебники живут рядом». И там по сюжету были два молодых волшебника, молодая фея и молодой, красивый задорный фей. А у нас в театре таких не было. Ну, кроме меня, конечно! Я решил помочь Аркадию Исааковичу и пригласил на роль феи из одесской самодеятельности актрису Гвоздикову. Райкин посмотрел ее и сразу же взял в театр. Потом встретил случайно на улице Виктора. Он гулял со своим трехлетним сыном, который сразу же стал кусать меня за икры. Все время бегал вокруг и кусал!!! Я и предложил Вите на роль феи. Райкин после прослушивания, недолго раздумывая, пригласил его к себе. Виктору тогда было всего 28 лет, а он уже был начальником отдела испытаний новой техники в порту. Это достаточно высокая должность. В дальнейшей нашей судьбе Виктор сыграл громадную роль. Он же прирожденный руководитель, прекрасно умеет разговаривать с любым начальником. Жванецкий сразу же чуть что визжит, нервничает. Я тоже такой же сумасшедший. А Виктор был спокойным. Я даже думаю, что, не связавшись он с нами, стал бы министром морского флота или советником Ельцина.

И так получилось, что после отпуска мы уже вдвоем с Витей приехали к Райкину в Ленинград. Организовали такую одесскую колонию в Ленинградском театре миниатюр. Жванецкий еще сидел в Одессе и работал в порту. Постепенно он стал присылать Райкину свои тексты, а потом плюнул на все, приехал в Ленинград и еще долго ждал, предлагая Райкину огромное количество своих миниатюр, начиная с «Аваса». Но Аркадий Исаакович почему-то ничего не брал...

Жили мы все впроголодь, получали по 80 рублей. Но были очень счастливы, театр

как теперь говорят, «хитов»: «Авас», «Как это, как это», «Дедушка»...

Потом был конкурс артистов эстрады в 70-м году. Мы что-то там получили.

— Как это «что-то»? Вы же стали лауреатами!

— Ну да, и получили 200 рублей премии. Я и имею в виду «что-то». Прогуляли эти колоссальные средства в «Арагви».

Так мы уже стали немножко известными. Хотя, надо сказать, театральная публика нас уже знала по театру Райкина. Все-таки мы там были заметны. А вот широкая публика нас узнала только после этого конкурса.

— И вы плавно перешли в Театр миниатюр в Москве?

— Еще восемь лет мы существовали в Одессе, до 78-го года. Сделали четыре спектакля, поехали по стране. А потом Киев стал нас очень давить, стало просто невозможно работать... Они даже запрещали играть «Собрание на ликеро-водочном заводе». Мотивируя это тем, что у нас вроде получается — вся страна пьет, а это, мол, клевета. Каждый приезд в Киев кончался выговором нашему директору, каждый приезд!

А вообще на Украине нас принимали лучше, чем везде. Может быть, потому, что мы родом оттуда. И потом на Украине юмор понимали очень быстро. Там юмор прививается с молоком матери.

Прямо скажем, на Севере и в Центральной России народ более суровый, с меньшим чувством юмора. Или жизнь тяжелее... И в Москве стало сейчас очень сложно выступать. Москвичи уже давно перестали ходить в театры. Ходят приезжие, командированные. Вернее, ходили. В Москве стало меньше колбасы, чего же приезжать?!

— Почему вы все-таки ушли из Московского театра миниатюр?

— Нас в этот театр пригласил Рудольф Рудин, который был в то время главным режиссером. Мы сразу стали играть «Избранные миниатюры» Жванецкого. Затем Левитин поставил спектакль по Жванецкому «Когда мы отдыхали». Спектакль, на мой взгляд, довольно странный. Он шел только на энтузиазме, криках и беготне. Но что-то в нем было, конечно. Мы играли и в спектаклях

